

УДК 327.54

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА И МЕСТО РФ В НЁМ

© 2016 г.

В.А. Кременюк*

Статья поступила в редакцию 15.01.2016.

Завершение «холодной войны» между США и Советским Союзом в конце 1980-х годов и начале 1990-х годов сопровождалось серьёзными изменениями в международных отношениях – распад социалистического содружества и самого СССР, появление однополярного мира, формирование полицентрической системы. Все это, так или иначе, затрагивало проблемы отношений между США и Российской Федерацией и формировало в них новую повестку дня. В итоге сложилась весьма непростая картина отношений союзничества и сотрудничества между Москвой и Вашингтоном.

Ключевые слова: «холодная война», однополярный мир, соперничество – сотрудничество, новая повестка дня российско-американских отношений.

Конец 1980-х годов – время окончания «холодной войны» между СССР и США – ознаменовался широким наступлением перемен во всей международной системе. Поначалу лидерам СССР и США завершение противоборства между их странами представлялось делом довольно простым. Обе стороны меняют своё отношение друг к другу, переходят от соперничества к сотрудничеству; придерживаются курса на сокращение и прекращение гонки вооружений; помогают друг другу в урегулировании локальных и региональных конфликтов, совместно решают назревшие глобальные проблемы: продовольствие, здравоохранение, жильё для бедных, занятость и т.п. Так, во всяком случае, звучали высказывания президента СССР М.С. Горбачева и президента США Дж. Буша-старшего во время их эпохальной встречи на о. Мальта в декабре 1989 года. Но, как показало время, эти вполне здравые и благостные предположения оказались преждевременными и даже в чём-то неверными.

Во-первых, распалось то, что называлось «мировое социалистическое содружество» (СССР и его союзники), а вскоре и сам Советский Союз. На месте бывшего противника США, а теперь – лучшего партнёра – образовался геостратегический вакуум, который надо было чем-то заполнять. В самой системе появилась опасная асимметрия между зонами стабильности и развития (Запад) и зонами, где отсутствовал порядок и царила бедность. Что же касается США, то они не только уцелели как государство-лидер своей системы, но лишний раз доказали и самим себе, и всем остальным странам, что они созда-

* Кременюк Виктор Александрович – член-корреспондент РАН, Институт США и Канады РАН. Российская Федерация, 121069 Москва. Хлебный пер., д.2/3 (vkremenyuk@gmail.com).

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта №15-37-11138.

ли политическую и экономическую систему, способную выдержать значительные нагрузки и перегрузки. Можно сказать, этот раунд завершения «холодной войны» остался за США и их союзниками. Если с этим согласиться, то США теперь предстояло закрепить собственную победу, а России – утвердиться в качестве преемника СССР и новой величины в глобальной иерархии.

Во-вторых, многие страны в разных регионах – и в Европе, и в Азии, и в Африке – ощутили непривычную лёгкость и возможность исправить своё положение в мире за счёт расширения свободы действий и выбора новых партнёров. Возникла реальная угроза союзам, созданным в годы «холодной войны», в частности Североатлантическому альянсу, спасти который США пришлось с помощью стратегии «расширения». Это, в свою очередь, начало создавать новые проблемы и для всей Европы, и для США, и для России и круто поменяло вектор перемен в их отношениях: от сотрудничества через этап подозрений и сомнений – назад, к соперничеству.

В-третьих, дала о себе знать необходимость менять сложившуюся в XX веке парадигму политического и экономического развития: от модели, в которой важную роль играло финансирование государствами производства оружия и тяжёлой промышленности к какой-то новой форме роста, в которой упор был бы сделан на обеспечение модернизации за счёт бюджетов государств.

В целом появилась весьма реальная возможность перестройки всей мировой системы, в которой прежние правила и методы были бы пересмотрены в пользу новых: сотрудничества, преодоления кризисов, управления конфликтными процессами, сохранения окружающей среды и т.п. Все эти возможности, даже не будучи реализованными, вызвали огромный интерес и породили смесь чувств тревоги и надежды.

В итоге всё это сказалось, причём довольно ощутимо, на нынешнем состоянии российско-американских отношений. После того, как в 1996 г. был взят курс на «расширение» НАТО, оказалось, что он слишком сильно задевает некие серьёзные интересы российского государства. И та и другая сторона понимали, насколько важно было не допустить нового раскола Европы на «натовскую» и «не-натовскую» части. Но даже попытки уравновесить решение о расширении НАТО какими-то акциями компенсационного характера – подписание Основопологающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и НАТО в 1997 г. и Соглашения о создании Совета Россия – НАТО (СРН) в 2001 г. не помогли избежать кризиса. Результатом всего процесса вновь стало нарастание враждебности между Россией и США и формирование линии противоборства значительно ближе к восточной части Европы, где уже существовали прибалтийские члены НАТО (Литва, Латвия, Эстония), где имеются страны, считающие себя кандидатами в члены (Украина, Грузия, Молдова), и где сформировался конфликтный узел отношений России и НАТО.

Параллельно развивались и самостоятельные проблемы в двусторонних российско-американских отношениях: контроль над стратегическими вооружениями и региональные конфликты, в которых были затронуты интересы обеих стран. В 2006–2008 гг., в период, когда у власти в России находился президент В.В. Путин, а в США – Дж. Буш-мл., обе стороны интенсивно работали

над наполнением повестки дня их отношений конкретными вопросами в дополнение к названным выше контролю над вооружениями и региональным конфликтам. Изучались разные сферы деятельности и разные вопросы: нераспространение ядерного оружия, космос, Арктика, состояние мирового финансового рынка, окружающая среда и др. В апреле 2008 г. была подписана Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений*, однако приближающиеся выборы президента в России (на которых победил Д.А. Медведев) и в США (на которых победил Б. Обама) не дали развить до конца значение этого документа, и российско-американские отношения существенного импульса от него в тот период не получили.

В настоящее время состояние российско-американских отношений характеризуется весьма неоднозначно: совместные попытки решения сирийского кризиса и наряду с этим острый кризис по поводу событий на Украине. Можно по-разному оценивать значение и содержание этих элементов, можно бесконечно спорить о том, кто здесь прав, а кто виноват, но надо ясно видеть главное: кризис вокруг Украины серьёзно испортил отношения между странами и отбросил их от радужных надежд, связанных с окончанием «холодной войны», к не лучшим временам этой самой «холодной войны».

Поиски решения кризиса в Сирии свидетельствует о том, что как бы ни завершился настоящий российско-американский кризис (а он должен рано или поздно чем-то завершиться), свою роль в разрушении атмосферы доверия и сотрудничества в российско-американских отношениях он уже сыграл, и обеим сторонам это ясно. И, если кто-либо в России или в США, или где-либо ещё надеется на возможность возврата к строительству искренних партнёрских отношений, то надо сразу сказать, что это произойдёт ещё не скоро, если вообще произойдёт, и потребует значительных усилий и даже жертв с обеих сторон в виде серьёзных уступок.

При этом, справедливости ради, надо признать, что кризис, связанный с событиями на Украине, не единственный камень преткновения в современных отношениях между Россией и США. У нас разные взгляды на многие ситуации и процессы, разные «весовые категории», разные роли в международном сообществе. США – лидер «свободного мира», ядерная сверхдержава, самая крупная экономика мира. Россия – самая крупная бывшая республика Советского Союза, общество, которое только-только разрабатывает свой собственный путь развития, переживает последствия 70 лет коммунистической диктатуры, оставаясь при этом ядерной сверхдержавой и постоянным членом Совета Безопасности ООН. Но у нас немало и общего: озабоченности, интересы, ценности. Нам, как и им, нужна уверенность в будущем, здоровая, стабильная и предсказуемая внешняя среда, рынок, технический прогресс. Поэтому, наряду со сферами, в которых позиции наших стран приходят в прямое столкновение, как это происходит сейчас на Украине, имеются и сферы, где мы могли бы сотрудничать и даже помогать друг другу, как это может произойти в Сирии.

* См.: «США ♦ Канада: экономика, политика, культура», 2008, № 7.

Таким образом, вместо какого-то единого поля противоборства, которое существовало между СССР и США в годы «холодной войны», вместо отношений, имевших характер глобального соперничества, должна появиться зона активного сотрудничества. Сейчас мы имеем противоборство, географически напоминающее «шкуру леопарда»: есть места и зоны, где мы по-прежнему сталкиваемся, как это было в годы «холодной войны», – Украина, Грузия, Югославия, а есть ситуации, где наши интересы совпадают и взаимодействуют в положительном смысле. Этот общий вывод сам по себе уже имеет большое значение для анализа российско-американских отношений. В данном же случае он важен ещё и потому, что позволяет поставить вопрос о том, что действительно разъединяет наши страны, а что – может их объединить. В частности, каковы те сферы взаимоотношений, где проходит линия противоборства между Россией и США в современных условиях и насколько эта линия может меняться в зависимости от поведения сторон. В конце концов и мы, и наши американские противники хотим урегулировать этот кризис или хотя бы удержать его под контролем.

Но прежде чем ставить вопрос об урегулировании кризиса, было бы методологически правильно и практически полезно попытаться всесторонне оценить его природу, происхождение, масштабы, характер и содержание. Ведь неспроста же он сыграл роль «холодного душа» для обеих сторон, отрезвив сразу многих оптимистов и озадачив, подтвердив худшие опасения не меньшего числа пессимистов. Конечно, нужно и можно ставить вопрос о скорейшем завершении российско-американского кризиса, пока он не дошёл до высших степеней своего развития и не стал угрожать прямым военным конфликтом. Этим и занимается в настоящее время дипломатия – российская, американская, европейская.

Наряду с этим необходимо рассматривать и все те обстоятельства, которые его породили, чтобы он либо вообще больше не случался (это было бы идеально), либо что бы обе стороны знали, на какие рычаги нажимать для удержания кризиса под контролем, какие шаги – односторонние, двусторонние, многосторонние – предпринимать, чтобы не допустить опасного обострения ситуации. Главное, чтобы кризисом можно было управлять. При этом надо помнить, что всё же ведущую роль в развитии этих кризисов играли США, вообразившие после развала Советского Союза, что именно они добились победы в «холодной войне», а потому у них якобы появилось право решать, как должны действовать другие страны, включая Россию, называя это «управляемостью».

О сферах возникновения современных конфликтов

В оценках состояния современных конфликтов самым распространённым и универсальным критерием их измерения считается «холодная война». Тот факт, что в означенный период более или менее спокойное развитие отношений между СССР и США (а бывало и такое) периодически нарушалось быстрым и спонтанным сползанием к грани войны (ситуация вокруг Берлина, Кореи, Кубы, Вьетнама) позволил ряду специалистов (на Западе – Г. Кан [8], А. Джордж, Р. Смоук [7], К. Белл [5], в СССР – Е.М. Примаков, В.В. Журкин [1,

3], В.А. Кременюк [2]) создать определённую модель возникновения и развития международно-политических кризисов в условиях конфронтации между СССР и США. Общая напряжённость, подозрительность, господство военных соображений и насильственных подходов создавали условия для того, чтобы малейшее движение одной из сторон (а, тем более, их обеих) в направлении достижения одностороннего преимущества уже вызвало резкую реакцию другой стороны, иногда – истерику, а чаще всего – желание ответить тем же и продемонстрировать при этом собственную жёсткость, готовность идти до последнего, способность нанести удар первым.

В какой-то степени эту модель можно применить и к сегодняшнему дню. Обе державы ревностно и с подозрением относятся к поведению друг друга, обе никогда не стесняются напоминать друг другу о существовании потенциала ядерного сдерживания. Даже очевидная асимметрия в пользу США в общих экономических и технологических возможностях не воспринимается как их явное преимущество, не служит дисциплинирующим фактором их поведения и не способствует усилению самоконтроля. Наоборот, угроза немедленных действий (со стороны Запада – санкции, со стороны России – адекватный ответ) становится средством доведения до сведения контр-партнёра степени «готовности к бою». В принципе – это политика, не столько взвешенная и разумная, сколько весьма эмоциональная и временами даже безрассудная.

Прежде чем разбираться в том, что же служит причиной столь резких «скачков напряжённости», следует проанализировать характер и структуру общего фона развития международной обстановки, в значительной степени определяющей поведение сторон. Как представляется, можно насчитать три сферы, где в отношениях сторон доминируют законы прямого действия (противоборство), и несколько других, служащих скорее своеобразным фоном соперничества.

Незавершённость процесса выхода из «холодной войны»

Окончание «холодной войны» не сопровождалось подписанием документа, который можно было бы назвать «мирным договором». Обычно в дипломатической истории и сегодняшней практике завершение периода конфронтации (войны или противоборства, не достигающего стадии вооружённого столкновения) принято оформлять документом, провозглашающим окончание враждебности, формирование более миролюбивой основы отношений, объём и характер обязательств, которые берут на себя участники конфликта, соблюдение конкретных правил поведения. Тогда появляется и начинает регулировать новый этап в их отношениях определённая юридическая норма, за соблюдением которой следят либо созданный участниками общий орган, либо представители иностранных государств, либо ООН.

Когда завершилась «холодная война», такого документа не появилось. Были обязательства сторон, принятые ещё в предыдущие годы по некоторым направлениям (стратегический баланс, вывод войск из районов противостояния, создание отдельных органов наблюдения и контроля и т.п.), но общий доку-

мент типа мирного договора так и не появился. Видимо, оставались трудности и неясности, тем более, что завершение «холодной войны» между державами – явление не столь частое. Но главная причина отсутствия такого базового документа – нарастание кризиса в СССР и его распад в такой ответственный момент. Другого такого адекватного контр-партнёра США, каким был СССР, просто не существовало. Это во многом предопределило дальнейший ход событий в сторону усиления асимметрии сторон, прежде всего – расширение НАТО на восток, но также и ряд других действий со стороны США (потому что в связи с распадом Советского Союза в Вашингтоне сочли, что именно они «победили» в «холодной войне»). Попытки России настоять на каком-то размене обязательствами в области поведения на международной арене и вовсе игнорировались Соединёнными Штатами. Создавалась опасная асимметрия понимания происходящего, подтолкнувшая администрацию Клинтона к ряду малопродуманных и рискованных решений, как например бомбежка Югославии силами НАТО в 1999 году.

Со временем отсутствие документа, фиксирующего окончание «холодной войны» и какие-то новые более миролюбивые нормы взаимоотношений, начало становиться источником серьёзных недоразумений. В Соединённых Штатах это усиливало тенденцию к поведению в духе единоличного лидера, устанавливающего свои порядки в международных отношениях («монополярность»), а в России консолидировало всех тех, кто был недоволен завершением конфронтации и считал, что ещё можно повоевать с США за более равноправные отношения: военные, спецслужбы, центры по разработке систем оружия, военно-промышленный комплекс, мощный пропагандистский аппарат, оставшийся в наследство от агитпропа и др. Попытки идти дальше по пути сотрудничества и доверия были напрочь заблокированы сторонниками конфронтации и в России и в США. Это надолго повысило роль военных элементов взаимного сдерживания, способствовало обострению пропагандистской войны, почти полностью перекрыло поиски урегулирования сложных международных конфликтов.

В частности, как элемент возвращения соперничества в отношениях между Россией и США следует выделить и политику вовлечения Украины в НАТО, и выход США в 2003 г. из Договора 1972 года по противоракетной обороне. В США не могли не понимать, что любые попытки сделать Украину «натовской» обязательно вызовут активное противодействие со стороны России. Догадывались ли там, что Россия пойдет на включение Крыма в состав своей территории, сказать трудно, но делать вид, будто действия Москвы не были спровоцированы политикой США и НАТО, представляется, по меньшей мере, лукавством. В этом же смысле следует рассматривать и стремление США разместить средства третьего эшелона ПРО в Европе. В отсутствие дальнейшего прогресса нормализации отношений незавершённость процесса выхода России и США из «холодной войны» не могла не породить условий для нового кризиса. Можно, видимо, говорить о том, что эта ситуация стала долгоиграющим фактором международного развития. США явно поторопились объявить себя «победителем», предложив России роль «побеждённого». Даже при самых благоприятных оценках состояния своей экономики и политической стабильности

Соединённые Штаты не располагали ни материальными возможностями, ни духовным потенциалом для того, чтобы играть роль «центра мира». Россия же, пройдя через период перестройки политической системы, экономических реформ и духовного возрождения, в очередной раз продемонстрировала потенциальную способность выживаемости и не замедлила продемонстрировать США степень своего недовольства попытками отстранить её от активной роли в определении судеб мира.

В США в принципе понимают важность этого аспекта отношений с Россией. Неспроста президент Б. Обама предложил в 2009 г. политику «перезагрузки», которая подразумевала торможение процесса ухудшения отношений с Москвой, и одновременно поиск такой точки в этих отношениях, с которой было бы можно начать их улучшение. По разным причинам ничего путного из этой попытки не получилось (президентство Д. Медведева, которое в США вызвало прилив нереальных ожиданий, неясность самой идеи «перезагрузки», явная недостаточность конкретных предложений), но важен сам факт косвенного признания Вашингтоном неудовлетворительного состояния отношений, а также необходимости их улучшать.

Незавершённость процесса выхода России и США из «холодной войны» продолжает оставаться важным фактором их взаимоотношений, а также общего состояния отношений между Западом и Востоком. Сохранились элементы недоверия и подозрительности, практически не работают механизмы управления кризисами и противоречиями, попытки Москвы наладить взаимодействие с Вашингтоном в решении хотя бы отдельных конфликтов, например, в Сирии, встречаются в США с настороженностью и подозрением. Что же касается более общего плана, то, во-первых, в разных районах мира растёт недоверие к утверждению идеи «выхода» из «холодной войны», а во-вторых, и союзники США, и страны независимой ориентации исходят из того, что состояние «холодной войны», пусть и в другом варианте, возможно, это именно то, на что могут рассчитывать Россия и США, отказавшиеся от идеи сотрудничества.

Новые центры влияния

Как бы высоко ни расценивали в США свою «победу» в «холодной войне», всё же во многих странах мира не могли не видеть, что её окончание свидетельствовало скорее об ослаблении общих позиций Вашингтона, чем об их усилении. Во-первых, реально снижалась роль ядерного оружия, на которое возлагались столь радужные надежды в 1945–1949 гг. Паритет в этой области с Советским Союзом заставил Вашингтон согласиться на постепенное сокращение ядерного арсенала и безоговорочное признание того, что ядерное оружие не должно быть применено.

Во-вторых, прекращение конфронтации с Советским Союзом было расценено американскими союзниками в Западной Европе и на Дальнем Востоке как открывающаяся возможность развивать самостоятельные деловые отношения с Россией и другими наследниками СССР. Это угрожало позициям США, в частности в Европе, что и вызвало к жизни идею «расширения НАТО»: сохранить блок путём принятия в него бывших союзников СССР и

тем самым, с одной стороны, бросить вызов России, угрожая ей изоляцией в Европе, а с другой – сохранить и даже упрочить отношения с союзниками по НАТО за счёт увеличения числа членов блока. В-третьих, урегулирование ситуации в отдельных регионах мира (Юг Африки, Никарагуа, Ангола) открывало путь к снижению необходимости сохранять военное присутствие США в этих районах.

Наметившиеся признаки ослабления мировой роли США, даже в условиях «моноцентричного мира» были с интересом восприняты в районах, некогда освободившихся от колониальной зависимости. Они, как всегда, хотели получать помощь, неважно от кого – от Советского Союза, США, стран Европы или Китая. Им просто была нужна помощь – и военная (это больше интересовало их правителей) и обычная (продовольственная, медицинская, техническая, в области строительства инфраструктуры и т.п.), что отвечало интересам больших групп населения и зарождавшегося среднего класса. Но им пришлось убедиться, что США были готовы оказывать большую помощь в основном в условиях соперничества с СССР. В этих случаях Вашингтон выделял освободившимся странам миллиарды долларов. Но когда Советский Союз вступил в кризис и советская поддержка, как таковая, прекратилась, интерес Вашингтона к программам помощи значительно сократился. И для стран Юга это было прямым свидетельством снижения роли США в мировых делах.

Ослабление этой роли породило, как минимум, два процесса. С одной стороны, для некоторых стран бывшей колониальной и полуколониальной периферии оно послужило мощным толчком к поискам самостоятельного решения собственных проблем – производства продовольствия, технически сложных товаров (оружия), подготовки необходимых кадров. Без американской помощи здесь не обошлось, освободившимся странам нужны были и новые технологии, а главное – технически грамотные кадры, специалисты, способные эти технологии эксплуатировать. Тысячи и десятки тысяч студентов и аспирантов поехали в США осваивать новые знания (только Китай посылал в США около 15–17 тысяч студентов ежегодно). С другой же стороны, сокращение помощи освободившимся странам со стороны развитого Севера (в том числе и СССР) вызвало обострение в этих странах внутренней борьбы, этнических и религиозных конфликтов, борьбы за власть, привело к росту коррупции. Можно было считать, что именно в этот период (1990-е годы) окончательно исчез фактор антиколониальной солидарности зависимых в прошлом стран, но взамен значительно выросла общая роль бывшего «третьего мира» в мировых делах.

Это проявилось в двух важных сферах. Во-первых, появилась группа БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Группировка крайне интересная, необычная и противоречивая. С одной стороны, эти страны хотят получить доступ к западным технологиям, освоить их и пробиться на промышленные рынки как развивающихся, так и развитых стран. Их стремление к реализации этой цели порождает два вида стратегии: стратегию соглашательства, готовности идти на любые уступки, чтобы получить доступ к технологиям и рынкам (и тем самым войти в группу развитых стран) и стратегию солидарности с другими участниками БРИКС, чтобы усилить свою переговорную позицию, припугнуть США угрозой антизападной консолидации. С другой же

стороны, каждая из этих стран способна, если Запад пойдёт ей навстречу, тут же откеститься от «солидарности» и поддержать развитые страны в их борьбе за сохранение существующих преимуществ.

Это, что относится к сфере более или менее конструктивной оппозиции Юга Северу; касательно же другой сферы, то она приобретает неизмеримо более актуальное значение, поскольку породила идейно-религиозную конфронтацию, последствия которой даже трудно представить. О ней – дальше.

Обострение межцивилизационных противоречий

На данном этапе эта вторая сфера противоречий привлекает значительно больше внимания, чем БРИКС. Начиная с 11 сентября 2001 года, когда нападению террористов подвергся Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне, борьба с терроризмом приобрела глобальное звучание. В ней слились два важных момента: во-первых, тема противостояния экстремизму вообще, независимо от того, с какой стороны он исходит – мусульманской, антиамериканской, со стороны отдельных государств или же политических партий и движений; во-вторых, борьба, прежде всего, мусульманских радикалов, выступающих за формирование общего антизападного фронта (для них и Россия относится к врагам).

Террор, как форма борьбы, известен давно. В XIX веке он распространился в Германии (антинаполеоновские организации), Италии (карбонарии и другие борцы за освобождение Италии), в России, где сформировался прочный союз терроризма («Народная воля») и анархизма (Бакунин). В основном эти формы терроризма были направлены против угнетения и за освобождение стран и народов от господства империалистических держав. Но в XX веке террор, сохраняя свои изначальные функции борьбы против угнетателей, становится и средством политики авторитарных режимов в Германии, Италии, Японии, СССР, и приобретает глобальные масштабы. Запугивание больших человеческих масс, строительство государств и режимов методами принуждения и террора, формирование своеобразного «единства» вождей и народов, основанного на страхе, – все это становится «нормой», которую поставили под сомнение и разрушили страны – победители во Второй мировой войне. Тогда в период окончания войны сталинский режим в СССР избежал открытого осуждения, но всё равно его не могла не осудить своя же Коммунистическая партия, когда вождь умер.

В определённой степени рост угрозы терроризма в международных отношениях в целом и в отдельных регионах мира отражает общую эволюцию мировой системы управления, с помощью института государства. По сравнению с периодом становления государств в качестве универсальной модели управления и контроля в этой сфере произошли значительные перемены. Появилось понятие «взаимозависимости», которое активно воздействует на размывание концепции «суверенности» отдельных государств. Быстрыми темпами растёт миграция, в которой граждане нескольких стран или отсталых регионов стремятся изменить место жительства и присоединиться к чужой культуре. Система международных обязательств всё более плотно ограничивает свободу

действий отдельных государств. С другой стороны, только некоторые страны – Китай, Индия, Бразилия, ЮАР – оказались способными воспользоваться итогами самостоятельности для разработки национальной стратегии выхода из тупика и решения назревших проблем.

Для этой ситуации характерны вполне понятные и обоснованные сомнения относительно судеб государства как такового. Несмотря на многовековую историю существования этого института [4] и концепции, и реальное воспроизведение идеи «национального государства» и его суверенитета остаются продуктами относительно недавнего развития: XVII век и Вестфальский мир. Поэтому нет ничего спорного в утверждении, что по мере развития взаимозависимости и глобального измерения политики происходит размывание и национального суверенитета, и концепции государственного управления. А поскольку это так, то возникают разного рода законные и незаконные формы и методы борьбы против государств, включая терроризм. Кроме того, сама идея опоры на террор приобретает всё большую популярность в связи с обюрокращиванием государственной системы управления, ростом коррупции и продолжением силовой борьбы (в противовес правовой) в международных отношениях.

Упомянутые выше процессы ведут к активной перестройке системы международных отношений. Здесь действуют два крупных и решающих фактора: с одной стороны, стремление развитых и богатых стран во главе с США сохранить в общих чертах сложившуюся в годы «холодной войны» структуру, а, с другой – желание бедных стран, особенно под влиянием примера Китая, Индии и Бразилии (относительно ЮАР сказать трудно) использовать момент, когда международные отношения не испытывают зависимости от итогов силовой борьбы для продвижения своих интересов в глобальную повестку дня. Результатом становится постоянная трансформация всего миропорядка, протекающая с разной интенсивностью и скоростью.

В результате в международных отношениях начинают взаимодействовать два противоположных начала: с одной стороны, установка на дальнейшую интеграцию и формирование глобального сообщества на принципах равенства и взаимопонимания, а, с другой – тенденция к пересмотру уже сложившихся связей, если они по разным причинам не удовлетворяют интересы действующих игроков. Система одновременно саморегулируется и саморазрушается, она всё более отходит от стабильности времен «холодной войны» и переходит в стадию постоянной неустойчивости, которая может либо создать новый, более надёжный тип устойчивости, либо, наоборот, привести к энтропии мирового порядка и даже к хаосу.

Вот с чем, помимо прямых угроз со стороны террористов, приходится сталкиваться США и пытаться выработать ответ. Тот факт, что в Соединённых Штатах, благодаря географической удалённости страны от регионов наиболее острых столкновений интересов – Ближний и Средний Восток, Африка, Юго-Восточная Азия, царит известное благодушие, не должен скрыть явную тенденцию, указывающую, что наиболее проницательные умы в США, начиная с С. Хантингтона и заканчивая Г. Киссинджером, всерьёз обеспокоены наметившимися процессами.

Перемена мест слагаемых

Похоже, что Соединённым Штатам, несмотря на крах противостоящей системы коммунизма, удалось поддержать свою сферу господства и влияния. Сохранились их союзы и договорённости, сохранилась роль доллара в мировой финансовой системе, сохранилось лидирующее положение США в развитии мировой технологии. Мало того, их сфера доминирования даже расширилась из-за притока желающих из числа бывших союзников СССР, а также тех стран, которые в годы «холодной войны» придерживались курса «равноудалённости» от двух сверхдержав. Теперь они все начали смотреть на Вашингтон. Это – всем известно и уже отмечалось выше. Но одновременно произошли серьёзные перемены.

Неудача в деле построения новых отношений с Россией во многом осложнила положение США. Одну за другой Вашингтон – то ли под давлением обстоятельств, то ли вследствие ошибочного расчёта – совершил две большие ошибки: вторжение в Ирак и война в Афганистане. В Ираке первоначально удача сопутствовала США, во всяком случае – в военном смысле. Им удалось в течение короткого времени разгромить иракскую армию, оккупировать страну, задержать и арестовать Саддама Хусейна, которого судили (непонятно, по чьим или каким законам) и приговорили к смерти и казнили. Далее последовал нарастающий коллапс американской политики. Сначала у них ничего не получилось из попытки создать «демократический режим» в Ираке, затем они фактически признали распад страны на три части: курдский регион, области, населённые шиитами, и суннитские районы. Диктаторский режим, который удалось создать С. Хусейну, полностью развалился. Взамен – хаос. А затем определилась и дала о себе знать новая угроза – Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), объявившее джихад (священную войну) странам Запада.

Даже сохраняя известную академическую тактичность и не употребляя громких эпитетов, надо признать, что вся история с Ираком стоила Соединённым Штатам слишком дорого. Специалистам стало ясно: во внешней политике США под влиянием «победы» в «холодной войне» практически исчезли навыки и способности трезвого и ответственного анализа ситуации; упование на силу мешает американским творцам политики ставить перед собой оправданные и реалистические цели; выполнение задач, поставленных Белым домом, сопровождается такой межведомственной и бюрократической войной, что самым правильным и лучшим средством справиться с ситуацией осталось обещание президента Б. Обамы вывести американские войска из Ирака, что он и сделал. Его решение также подразумевало вообще вычеркнуть Ирак из списка приоритетов внешней политики США (как это сделали много лет назад с Вьетнамом), но тут вмешалась судьба в образе ИГИЛ и Соединённым Штатам пришлось на ходу, не отрабатывая детали, думать о том, как и что сделать в Ираке, чтобы противостоять мусульманской угрозе.

Не лучше обстоят дела и с Афганистаном. Когда президент Буш принял решение о начале войны в Афганистане, то не исключено, что среди его мотивов (продемонстрировать «твёрдость», отомстить за погубленные американские жизни, «стукнуть кулаком по столу» и др.) было также и желание «утереть

нос России», показать, что то, чего добивался в Афганистане Советский Союз и где его поражение запустило цепь критических событий, приведших к краху коммунизма, оказалось «по плечу» американцам. Даже при том, что «холодная война» завершилась и что Россия, в отличие от Советского Союза, не намеревалась конкурировать с США на Среднем Востоке, всё равно соображения соперничества продолжили иметь большой вес в решениях Белого дома по внешней политике. Но и здесь судьба отказала американцам в милости. Трижды президент Обама «твёрдо» обещал вывести свои войска из Афганистана, не рассчитывая ни на какую победу, и трижды ему пришлось откладывать своё решение, потому что борьба с афганскими джихадистами оказалась не менее каверзной задачей для США, чем война в Ираке.

Когда военная сверхдержава терпит поражение в локальной или региональной войне, это уже ЧП. Это poznали и США во Вьетнаме, и Советский Союз в Афганистане. Но когда эта сверхдержава терпит поражение в войне в отдельном районе дважды, это уже больше чем ЧП, это – тенденция. Авторитет и репутация большой державы зиждутся как на материальных, так и на духовных основах. Материально – это флот у соседних берегов, самолёты в небе, финансовая помощь, технологические новинки и т.п. Духовно – это вера во всемогущество старшего союзника. В его надёжность, его мудрость, его знания. Два поражения подряд – и всё это оказывается под сомнением. Особенно в тех районах, где и американцы, и их соперники чувствуют себя новичками и неуверенны в себе. Ближний и Средний Восток, Африка, Центральная и Юго-Восточная Азия – это те регионы, где американцам отказывает выработанная веками линия и аргументация бизнеса.

Можно посочувствовать президенту Обаме. Усилиями его предшественника-республиканца Дж. Буша-мл. он получил в наследство ряд проблем, решение которых выходит за пределы его возможностей. По рукам и ногам он скован Конгрессом, в котором парадом командуют те же республиканцы.

Практически он лишён возможности резко изменить политику, даже если бы и захотел. Например, выйти из Афганистана или пойти «на мировую» с В.В. Путиным. Он вынужден следовать сложившемуся курсу и даже демонстрировать готовность идти на ещё большие жертвы, чтобы не дай Бог не получить от Конгресса выговор или, ещё хуже, импичмент. Сложившаяся ситуация – тупик на Ближнем Востоке, тупик в отношениях с Россией, растущая озабоченность по поводу Китая – делают внешнюю политику США источником насмешек и одновременно служат стимулом к переменам. Насмешки – потому что стране, претендующей на лидерство, не к лицу положение робкого гиганта, а перемены – потому что США надо найти партнёра, который помог бы им и с решением текущих проблем, и с выходом из тупика. Европейский Союз, самый экономически мощный и идеологически родственный Соединённым Штатам глобальный игрок, не в состоянии это сделать. Да и вряд ли захочет. С Китаем надо быть особо осторожным, потому что достигший поразительных успехов в области экономического развития Китай не торопится обнародовать свою внешнеполитическую доктрину и дать другим странам, прежде всего – США, оценить возможные перспективы сотрудничества с ним. Япония вообще ушла в тень и не желает брать на себя лишние обязательства.

Остаётся кто? Конечно же, Россия. Союзник по антигитлеровской коалиции, страна, с которой удалось договориться о прекращении «холодной войны», об ограничении стратегических вооружений, постоянный член Совета Безопасности ООН, всё ещё сильная в военном отношении держава и, как показывает сирийский кризис, готовая сотрудничать в борьбе против исламского экстремизма. Но, чтобы Россия согласилась сыграть роль партнёра и потенциального союзника, с ней надо договориться.

Повестка дня для России

Сегодня вряд ли большинство американцев поддержало бы идею союзничества с Россией, даже если бы президент Обама где-нибудь её высказал. Пропагандистская война, которую столь усиленно по сей день ведут обе стороны (и Россия – туда же), настолько глубоко вошла в сознание общества и народа, что любая мысль о возможности сближения с Россией будет звучать для американцев, как призыв к предательству. Это отмечает в своей последней работе и такой всезнающий патриарх американской внешней политики, как Г. Киссинджер [10]. Но очень часто дружить в мировой политике приходится не с тем, кто милее и приятнее, а с тем, кто реально может помочь и разделить бремя ответственности.

Речь, конечно же, не идёт о сегодняшнем дне. Сегодня для большинства американцев Россия – «недобитый враг», «всё ещё опасность», «источник тревоги». И эти сиюминутные соображения очень часто преподносятся как «принципиальность» и «последовательность», как «выстраданный опыт». На самом деле – это продукт американский в чистом виде, стремление представить отсутствие воображения и политической смелости как единственно правильное решение. Кроме того, своё влияние оказывает и структура американского политического процесса. Американского президента переизбирают на четыре года и, если повезёт, могут ещё раз избрать на такой же срок. Конгрессменов и сенаторов также избирают на довольно короткий срок (на 2 года и 6 лет соответственно), где уж тут успеть подумать о вечном? С этой точки зрения хороший пример даёт исследователю книга сенатора У. Фулбрайта «Высокомерие силы» [6], которую сенатор опубликовал в 1967 г. после почти двадцатилетнего пребывания на посту председателя сенатского комитета по иностранным делам. Только уже в преддверии ухода на покой он написал очень честную и выстраданную годами книгу о том, как упование на силу калечит сознание нации, создаёт иллюзию могущества, отвлекает ресурсы и совсем не помогает решать проблемы.

Вот и для многих политических деятелей США не ко времени думать о будущем и помочь ему приблизиться. Думают о том, как бы посильнее ударить по репутации противника, как бы привлечь к себе внимание общества, как бы посильнее его напугать. В этом отношении показателен пример, как вплоть до 1933 г. Соединённые Штаты не признавали Советский Союз и не имели никаких прочных связей с ним. Прошло всего восемь лет и президенту Рузвельту пришлось осознать, что в тяжёлый момент он может положиться только на Россию, её устойчивость и готовность помочь. И сейчас, когда в

США вовсю бушует антитеррористическая паранойя, только отдельные американцы пытаются напомнить обществу о том, что в глобальной борьбе за выживание цивилизации Соединённым Штатам можно будет опереться только на Россию. Больше не на кого.

Вопрос о России для США и злободневно политический и познавательно эсхатологический. Россия для США всё же чуждая цивилизация (хотя и христианская), но сложившаяся в совсем других условиях и привыкшая к другой судьбе. Наполеон Бонапарт в своих записках на о. Св. Елены отмечал большую духовную близость между Америкой и Россией и считал, что будущее Европы и всего цивилизованного мира будет определяться этими двумя гигантами. На деле Россия, даже несмотря на большую симпатию к США и помощь президенту А. Линкольну в период Гражданской войны, долгое время рассматривалась в США как оплот угнетения. Большую роль в формировании этой точки зрения сыграл дядя крупного специалиста в области внешней политики Дж. Кеннана (тоже Джордж Кеннан), посетивший Российскую империю в 1880-х годах и написавший книгу «Сибирь» [9] о местах заключения царской России.

Но, несмотря на разность политических культур и идеологий, судьбы обеих стран оказались тесно переплетены и взаимозависимыми. Обе во Второй мировой войне разгромили фашизм, обе создали ООН, обе обеспечивали её работу, обе признали первостепенными проблемы освобождения от колониализма, обе согласились прекратить бессмысленную разорительную «холодную войну», обе пытались возглавить движение человеческого сообщества к миру и справедливости.

Что касается России, то здесь ситуация складывалась сложнее. После петровских реформ и до начала XX века Россия оставалась более или менее стабильным обществом с понятно сформулированным вектором движения. Однако в XX веке случилась трагедия: революции, войны, особенно – гражданская война, диктатура, репрессии, затем вторжение гитлеровцев – всё это было сильным ударом по России. Этнические границы не выдержали, и Россия, какой её знали в окружающем мире, распалась на 15 бывших советских республик. Часть из них определились почти сразу, Прибалтика прежде всего. В других начали брожение вирусы самоопределения. Больше всего досталось России: огромная страна, набитая ценными ресурсами, обладающая супермощней военной силой, богатой событиями историей, оказалась на обочине мировой политики, не имея ни компаса для дальнейшего движения, ни надёжных и проверенных друзей, лишившаяся лучших мозгов, уехавших за рубеж.

Перед Россией во весь рост встала задача самоопределения. Не в казённом смысле, в котором трактуют эту проблему записные «патриоты», а в том, что она должна, внимательно изучив опыт и модели разных стран, выбрать для себя наиболее обещающие и перспективные, подходящие её национальному характеру, способные решить её извечные проблемы отставания в сфере построения гражданского общества, технологического прогресса, этического совершенствования. Торопиться здесь нельзя, можно не разобравшись вновь войти в «чубайсовский» капитализм, но и тянуть до бесконечности также невозможно. При всей склонности к самолюбованию и к гордости за героическое прошлое, заниматься самообманом также нежелательно, потому что жизни

русского народа присуща масса неприятных и даже вредных черт (например, пьянство или бытовое воровство). Задача такого масштаба и размаха не для чиновничьих ведомств или конъюнктурных собраний. Необходимо нечто вроде Общероссийского национального собрания, но построенного не чиновниками, а учёными, литераторами и артистами. Тогда что-нибудь путное может получиться.

Среди разных интересных мнений, высказанных руководителями России в последние годы, имеется ряд потенциально полезных идей, например, идея «Русского мира». Она выходит далеко за рамки националистической доктрины современной России, в качестве поля деятельности видит не только чисто русские народы (великороссы, украинцы, белорусы, русины), но и в братские народы Сербии, Болгарии, Словакии, т.е. тех стран, где русский язык, литература и культура активно воздействовали на становление современных государств – Балканские страны, Греция, Чехия, Польша, даже – Финляндия. Причём речь совсем не идёт о создании какого-то государственного или надгосударственного образования. Если только «Русский мир» зазвучит как призыв к выстраиванию империи, вся затея обязательно провалится, а злопыхатели будут торжествуяще тыкать пальцем в обанкротившуюся в очередной раз Россию.

Россия должна поставить перед собой задачу формирования такого «Русского мира», который не будет претендовать на какие-либо государственные полномочия или другие властные функции. Самостоятельных государств и без того хватает на пространстве бывшей империи. А вот чего нет, так это культурно-идеологического единства и осознания своей миссии. Пока что эту функцию пытается воплотить русская православная церковь (РПЦ), хотя и ей похвастать особенно нечем. А потребность в духовно сильном и динамичном пространстве в зоне Евразии растёт. Перспективной попыткой решения этой проблемы может стать Евразийский экономический союз, и работа на этом направлении продолжается, но пока что не определены достаточно чётко и ясно задачи формирования русского цивилизационного ядра в этом регионе, хотя в связи с ростом угрозы исламского радикализма нужда в этом только растёт.

Неудачи Соединённых Штатов в построении «монополярной» структуры мира пока не вызвали в США стремления просто отойти и забыть о евразийском узле. Но и решения этой проблемы пока не видно. В новой структуре мирового порядка уже определился ряд участников: это – США, Европейский Союз, Китай. Огромное же пространство от западных границ России и до Афганистана, Пакистана и Ирана осталось вне фокуса, хотя именно там уже сегодня формируются узлы будущего миропорядка. Соединённым Штатам, как и другим участникам «верхнего эшелона» мирового порядка нужен здесь зрелый, сильный и ответственный партнёр, который взял бы на себя функции контроля за пространством – не господина и не диктатора, а разумного и ответственного арбитра. Вот, собственно, о чём можно было бы уже сегодня говорить с Соединёнными Штатами по мере того, как кризисы на Украине и в Сирии будут продвигаться к завершению.

(Окончание следует)

Список литературы

1. Журкин В.В. США и международные политические кризисы. Москва: Наука, 1975. 328 с. [Zhurkin V.V. USA and International Political Crises. Moscow: Nauka, 1975. 328 p.]
2. Кременюк В.А. Кризисная стратегия империализма. Киев: Политиздат Украины, 1979. 144 с. [Kremenyuk V.A. The Crisis Strategy of Imperialism. Kiev: Politizdat of Ukraine, 1979. 144 p.]
3. Международные конфликты. Под ред. Журкина В.В. и Примакова Е.М. Москва: Международные отношения, 1972. 240 с. [International Conflicts. Zhurkin V.V., Primakov Ye.M. Moscow: International Relations, 1972. 240 p.]
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений, Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. Т. 22. [Engels F. The Origin of the Family, Private Property and the State. // Marx K., Engels F. A Complete Set of Works. Moscow: Izdatelstvo Politicheskoy Literatury, 1955–1974. Vol. 22.]
5. Bell C. Conventions of Crisis: A Study in Diplomatic Management. London: McMillan, 1971. 138 p.
6. Fulbright J.W. The Arrogance of Power. New York: Random House, 1967. 284 p.
7. George A., Smoke R. Deterrence in American Foreign Policy. New York: Columbia University Press, 1974. 666 p.
8. Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York: Frederick A. Praeger, 1965. 308 p.
9. Kennan G. Tent-Life in Siberia: And Adventures Among the Koraks and Other Tribes in Kamchatka and Northern Asia (Classic Reprint). New York: Forgotten Books, 2015. 448 p.
10. Kissinger H. World Order. New York: Penguin Press, 2014. 432 p.

The U.S. – Russian Relations: a New World Order Formation, and Russia's Place in It

(USA ❖ Canada Journal, 2016, No 4, p. 3-18)

Received: 15.01.2016

KREMENYUK Viktor Aleksandrovich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation (vkremenyuk@gmail.com).

The end of the Cold War between USA and USSR in late 1980s and early 1990s was followed by a sequence of profound changes in the international system: collapse of the world Socialist community, disintegration of the USSR itself, advent of the monocentric world, changes in the status of China, India, and other developing nations. All these events had an impact on the Russian – US relations. As a result rather a multi-colour picture of relations between Moscow and Washington has emerged.

Keywords: Cold War, mono-centric world, conflict-cooperation relationship, new agenda in U.S. – Russian relations.

About the author:

KREMENYUK Viktor Aleksandrovich, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.